

Блаженный
Иоанн
Дневники

**ТОМ
I**

*Сокровенный
собеседник*

Мир Софии
2006

СОКРОВЕННЫЙ СОБЕСЕДНИК

ВСТУПЛЕНИЕ К ТЫСЯЧЕСТРАНИЧНОМУ ПЫЛЬНОМУ
ТААМУДУ ДНЕВНИКОВ

Запредельное автоматическое письмо из Братного вертога

Дневники — таинственный жанр! Избегаю события, выношу их за скобки, хотя они подобно многотысячной аудитории: исцеления, премирный эфир...

Но дневники для меня другое — измерение веры, беседа с невидимым кем-то, собеседником чудесным, совершенным, идеальным, вечным.

Потому дневники и переходят в вечность как каждый ход в шахматах.

Играть в шахматы, чтобы каждый ход переходил не в следующий, а в вечность

Жду ответа на вопрос, заданный мною Гарри*: “Кто чемпион мира по шахматам?” Морщится: “Не знаю”. Неловко ему за нелепый вопрос.

— Я.

— Как это?

Вытягивает шею, заинтересовался.

— Ты можешь играть в шахматы без земного расчета, чтобы каждый ход переходил не в следующий, а в вечность?

— Нет...

— А я могу.

* Каспарову. — Ред.

Как в шахматах переходящий “в вечность” ход, так и новый литургический музыкальный строй, так и все во мне в вечность переходит. Я переходящий в вечность и из вечности во время. Да и может ли быть иначе в светолитии СЛОВА, бóльшего чем человеческое? Слова “самого-по-себе”, слова-в-себе наподобие “*Sache im Sich*”^{*} Канта?..

Мистическая библиотека во внутреннем

Какая мистическая библиотека во внутреннем! Книги, мною прочитанные, запечатлелись где-то глубоко, и нет нужды тащить за собой 50-тысячетонную запылившуюся библиотеку. Словно какой-нибудь 40-летней давности Кант, прочитанный в прежней жизни, всплывает и говорит: “Интересно еще и другое — общение между книгами”, так мой “внутренний Кант” поступится однажды в келью внутренней моей Евфросиньюшки.

Сколь же бесконечен человек в своих 144-х “внутренних замках Грааля”! Да их 144x12x12x12x12 — нескончаемо после прочтения “Дневников”. В них вкраплена не только моя нота, но и нота читателя-собеседника. Часто говорили мне: “Отец, не успел уста открыть, как Вы ответили на вопрос, который я хотел Вам задать”.

^{*} “*Вещь в себе*”, философское понятие изначальной, трансцендентной сущности каждого явления и предмета. — Ред.

Сокровенная пыльца собеседника

Еще и сокровенная пыльца собеседника. Еще и много вкрапленного между строк, обращенного ко мне как автору дневников. Остается только запечатлять мистическую “пыльцу” этих чудесных диалогов. Описать их я не в силах. И прекрасно! Предоставляю для общения неизреченному другу-читателю...

Хроника сокровенного преосенения

Дневники мои нужны затем, что оттачивают ум, преосеняют. Это, по сути, хроника сокровенного преосенения. Есть два Иоанна. Один уже слеплен свыше. Другой — личный, сокровенный, вмещающийся в рамки дышащей миазмами плоти, мечущийся, страстнóй. Человечеству, может быть, важнее этот мало кому видимый Иоанн. Иоанн вне мифических оболочек и преувеличений, коим часто сопутствуют умаление и клевета на помазанника (две крайности). Здесь я неотрывный-от-себя, неизобразимый на литургической фотографии с помазаниями, с соловецкими маслами, “превосхищенный”, “блаженный” и проч. Здесь я скромный и не выходящий за рамки земного срока.

Кому-то именно это покажется ценным. И как знать: может, еще из вечности по нем тосковать будешь.

Иногда мне кажется: ушедшие блаженные дети мои, хотя и сподобляются высоких откровений Истинствующей Церкви, где-то тоскуют о земных наших страстнóх днях и часах. О них-то (и к тому же

о страстных мыслях, которые едва ли кому-либо решился высказать) здесь речь.

Дневниковый Иоанн

Заметки, написанные под действием чтения своих же дневников...

Удивляюсь такому измерению. Здесь я особый — “дневниковый” Иоанн. Помимо десяти измерений (отец-пастырь-помазанник-писатель-проповедник-молитвенник-пророк-исповедник-собеседник-издатель) здесь еще я в какой-то таинственной ипостаси, в какой выступает и собеседник мой невидимый.

Каждый человек открывается себе по мере становления на путь последней правды, когда приходится срывать один за другим по кругу “вчера дорогого” и отправляться на поиски “нового себя”, чтобы угодить Всевышнему, желающему всегда дать больше, чем может принять душа.

Интерсубъективный благовест

Какой-то интересубъективный благовест... Если мне удастся втеснить в эти страницы то, о чем-то я рыдал бы некогда в последние часы, когда не смог, когда не успел... я был бы счастлив.

Белая холщовая ткань строк моих

Господь однажды поставил меня на грань — так что я нахожусь уже в других измерениях смерти и жизни.

Как назвать их? Не знаю. Они явственны. Из них состоит белая холщовая ткань строк моих.

Ищу в дневнике способ беседовать с каждым из моих дорогих детей, коих краем глаза могу видеть на литургии. Какой обжигающий взгляд, Боже! Сколько хотел бы сказать! Да разве возможно это сделать при умаленном ракурсе, при исповедимом моем затворе, при удаленности вообще от мирских шумов?

Да! С помощью дневника.

Я не считаю его односторонней беседой, обращенной к слепоглухонемому “восторжику”-слушателю. Я называю эти записки именно диалогом и жду ответных неизреченных записей от чудных собеседников своих...

Для меня дневники — один из способов выразить невозможное в человеке, большее-его-самого, чего он сам о себе не подозревает. Но познав, счастлив стал бы.

В России времен кадетских корпусов и институтов благородных девиц прививали способность писать дневники и письма. А я хотел бы привить человека этой способностью вступить в неизреченный диалог...

Кого-то всегда не хватает. И не потому, что человек жаден до сверхреальной должности, а потому что неохватываем его масштаб. Он больше самого себя. Аудитория его — тысячи душ.

Встретил их, не встретил — так ли важно? Они зачтены в реестр чудесных ближних и друзей, хотя бы поло-

вину земных дней провел где-нибудь на сибирской каторге, на урановых рудниках, в лагере Гуантанамо или еще в какой-нибудь концентрационной зоне, коих с избытком на бедной нашей земле (многомиллионные мегаполисы не исключение).

За этими строками стоят мгновенные кадры. И каждый раз по новом прочтении они открываются впервые, проявляясь в новом для самих себя ключе...

Здесь другой Иоанн, какого не встретишь в храме, не увидишь перед микрофоном.

Одна из неписанных моих ипостасей.

Невыразимое писание чего-то большего себя самого

В обычных дневниках что-то от своего мира. Вводишь как бы во внутренние замки, нечто сверхэгоистичное. Здесь, напротив, никакого “своего” мира, поскольку я человек, считающийся свыше, водимый свыше и дышащий (а не только питающийся) свыше. И эти тысячестраничные строчки — невыразимое писание чего-то большего себя самого. Стон безмолвный, каких тысячи издает душа за своим закулисным “25-м кадром”, невидимым обычным зрением.

Не я один списываю. Человек призван стать больше “летописца свыше” — невестой и супругой Всевышнего. Призван к собеседованию неизреченному со ангелами и с Самим своим Творцом.

Да послужат и эти нищенские строчки путеводителем для мистических сирот к грядущему их собеседованию с ангелами...

Неразделимые брачные узы между близкими

Стать больше-себя-самого, постоянно-расщепляющимся-отцом-Иоанном.

Я испытываю нечто вроде мучительной неполноценности из-за того, что не успел досказать, высказать. Любые отношения с самыми дорогими и близкими мне кажутся переходящими в вечность. Человек на земле призван открыться для вечности. Каждый ход свой делать как в мистической шахматной партии для вечности. И в конечном счете такие именно неразделимые брачные узы между близкими, когда они совершеннейше выражены и сочетанны, преупокоены и мирны... но и больше того.

Закрывается одна страница. Начинается другая.

В пределах одной жизни можно прожить и 100, и 1000

Я не верю ни в какие кармические инкарнации. Язык вульгаризированного Тибета мне претит вот уже больше четверти века. Но я верю, что в пределах одной жизни можно прожить и 100, и 1000. Ни в какие календарные времена и сроки не вмещается чудесная ткань настоящего.

После написания стихотворения дается чувство: еще 100 таких бы (хотя и полнота)! После чудесного исчерпывающего упокоющего страстнóго общения с безумно любимыми — такое же щемящее, неполноценно-вечное прободение в континуум пятого измерения: “Как это не успели?.. Как мы не досказали друг другу?.. Как не довершили?..”

Ушла Мария Небесной Доброты. О Боже, если бы смог я прочитать часы ее ухода, внезапность их и странность неисповедимую, в словах невыразимую! Сколько бы еще успел, наговорился!..

Но вот представьте: пришла бы душа ее из вечности. И опять ничего бы не сказали друг другу! Уже из другого мира она, из другого — я..

Так, наверное, и должно: чтобы душа переживала, а в дальнейшем видела себя из вечности. И не довольствовалась маленьким золотым грошиком настоящего, но устремлялась к высям беспредельным, никогда в самые заземленные свои часы не прекращая горнего полета...

Войти в измерение больше-себя-самого

Я много скитался, никем не признанный. Я так любил быть неузнанным воочию! Среднего роста седой очкарик с отсутствующим нездешним взглядом, мало чем примечательный, расслабленный как сомнамбула... За кого только не принимали меня. Однажды в какой-то глухой деревне приняли за нарко и едва не сдали в

местный околоток: “Что он тут шатается, наркотня городская?”

Нравилось мне всегда прятаться за какого-то юридического “себя-инкогнито”, чтобы в дневнике не быть мне узанным. Тогда только и говорил я в открытую. В этой никем-не-узнанности заключалась сокровенная тайна выраженности больше-себя-самого. Куда-то нырял, исчезал — чтобы опять войти в измерение больше-себя-самого и всплыть на очередном неизреченном острове любви, в диалогах сладостных общений...

Сокровенная симфония, Завершающаяся преупокоенной молитвой

Заполнить вакуум у человека обоживаемого, homo teoticus. Ему ведь так не хватает достойного собеседника. Да и прежде самого себя должен слепить как достойного собеседника. Тогда и Бог подаст ему соответствующего ближнего.

Ну да придет он в упреждение сроков, харизматически через этот мой трехтомный тысячестраничный талмуд, как сумма всех сокровенных осенений, стон и пронзительных сигналов SOS названный мною “Сокровенная симфония”, завершающаяся преупокоенной молитвой.

Теперь наверстывается, пишется само свыше за пределами автоматического письма из измерения Брачного чертога.

*В “ДК-Трех-Придурков” молился о 5 миллиардах
одновременно*

Вот еще долг писателя. Удалось мне в шеститомнике соловецком услышать сто миллионов предсмертных стонов безымянных зэков, ушедших невесть куда. Отчего ж не удастся услышать стоны современных зэков? Разве число их уменьшилось?

Вот вижу тех, о ком вчера еще молился: пять миллиардов их! В “ДК-Трех-Придурков”, в этом премирном храме, не сравнимом ни с каким соломоновым да иерусалимским, молился о 5 миллиардах одновременно. Что может быть выше?

Скажу, что: стать собеседником каждого из них. Услышать ноту гласа каждого из них. За литургией на юродивой горé-алтаре в ДК-Трех-Придурков, где Иоанн предстоит с воздетыми руками перед престолом Вышнего, следует дневниковая запись: объяснение в любви и жажда вступить в общение с каждым из пяти миллиардов вверенных мне для молитвы “Боже, спаси и обожги, обрати мир”.

Потому-то вчера литургия — а сегодня дневники, как продолжение литургии.

Слешная машина неписанных долгов

Боже, как мало я успел! Какой долг накапливается перед ближними!

Прежде всего долг любви. Затем долг диалога, долг служения, долг всетрепетного простирания. Долг все-

наполнения ближним: снять с себя последнюю рубашку, отдать даже больше, даже то, чего нет, что Бог тебе даст в будущем — все отдать заранее, наперед.

Господи, сколько накопилось долгов! Тысячи жизней не хватит — скоротечных, но и прекрасных, следующих непрерывно.

Преупокоен “за бесплатно”, никому ничего не должен... И опять пошла работать счетная машина неписанных долгов.

Как это прекрасно! Как это противоположно постоянным счетам, предъявляемым ближнему из-за непреодоленного осуждения, присущего адамитами! У серафитов не счета, а долги перед ближними. Другие счета...

Ничего более таинственного не знаю, чем общение между ближними

И никто и ничто меня теперь не остановит. Боже, как я оторвался от себя 25-летней давности! С какой иронической усмешкой вижу “православного о.Иоанна” образца 1985, шаркающего по болотистой грязи от станции Яхрома к дому о.Стефана Линецкого, сокровенного тогда моего дорогого друга...

Какие беседы были! Как жаждала душа неизреченных слитных объятий “неразлучно, неслиянно” — не к Троице только, но и к ближнему, который одно с Троицей, как Творец одно с творением. Как это

прекрасно, когда душа готова полтора часа провести в уютном подрагивающем вагоне пригородной электрички с мелькающими за черным ночным окном фонарями заснеженных пустынь, чтобы войти в дом к ближнему: “о наконец-то!”

О эти жаркие объятия любви и чудесные разговоры (наговориться невозможно), питающие друг друга!.. Ничего более таинственного не знаю, чем общение между ближними.

Собеседники прекрасные

Еще другой долг. Точно капитан с тонущего корабля, ухожу последним. За каждым эком вижу безвестную спину.

Коричневый пиджачок да бесцветные брюки... Уходит вдаль. Что-то не успел... Ничего не успел сказать. Как же я, Иоанн, не доскажу?

Я должен сказать за него все, что он не успел. Человек Божий ушел и не успел. И у меня долг перед ним, последний долг. Нет-нет, не долг памяти — большее что-то.

Стоит говорить только о том, о чем не успел сказать человек, уйдя в свою эковскую нескончаемую даль по рельсовым сибирским шпалам...

Об этом-то будущем тысячелетии каждой души, свой срок прожившей хотя бы еще в утробе матери, единственно стоит говорить.

Такие у меня долги. При том, что я прожил уже несколько тысяч жизней. Каждая литургия — вечность, прожитая со всей церковью. К тому же несколько миллионов высвобожденных из преисподней душ и “откаченных вакуумов”.

Я так мало успел, Боже! Я ничего не успел. Не услышал ближнего своего. А их — 5 миллиардов вверенных мне душ. И так не я только один — каждый может сказать...

Приходили ко мне не посетители, нет: собеседники прекрасные. Смотрелись мы друг другу во внутренние зеркала-зеркала и читали эту тайнопись, невозможную и небывалую. И еще хотели встретиться. Но сделать это было невозможно при расписанной занятости и прочих дурацких помехах (точно человек и специально гонит их во избежание истинных общений).

Спешу я одно донести своему читателю: что он неизреченно открыт, одновременно к 100 тысячам сферам — и к собеседникам, стоящим за каждой из них.

Почта с неба

Боже, какая почта с неба!..
Лев... Нет, я его не то что “принимаю каков он есть” или “хотел бы изменить” — я его вижу, каков он есть. Человека вообще нельзя увидеть объективно. Каким увидишь — таков и есть. И вот вижу Льва неизречен-

ного, Льва Богом слепленного. Значит, таков есть? Ведь воображение (введение “во-образ”) — запредельная, математически высчитываемая реальность.

Диву даюсь, как прекрасен человек!

Но разве знает Лев себя самого? Что это я вижу во Льве? Душу (“нешаму”), Руах*, оттиск, ксерокопию?

Из вечности Льва-больше-себя-самого.

Слышу музыку его. Лев, любимый мой сын, знаешь ли ты, что ты уже сочинил тысячу песней? Как же ни одну из них не помнишь, когда сам же их записал? Откуда?

Восьмое измерение

Но, Господи, кто ты? Как вообще я могу обращаться к человеку? Самая таинственная идентификация! Кто сказал, что человек ограничен своей трехмерной внешностью или, допустим, четырехмерной психоэнергетической картиной? Недостаточно даже пятимерного “электричества” неизреченного божественного света.

Человек больше даже “пятого” измерения**. Где-то в восьмом открывается, каков есть. Вот в этом восьмом измерении и хотел бы я запечатлеть дорогого моего Льва. А здесь, на земле, все так незначительно: недовольство, претензии, “простите, отче”, “прости и ты меня”...

* Нешама — в каббалистической мистике божественная душа человека. Руах — там же: божественный Дух, осеняющий творение. — Ред.

** В духовном учении автора — превышенебесный божественный мир, находящийся за гранью “четвертого” измерения (космоса). — Ред.

Как жалок шумовой фон земных событий по сравнению с теми неизреченными, прекрасными душами, что кружатся вокруг нас и составляют наше существо, названное мной “144 внутренних замка Грааля”! А потом выходят вовне и как воздушные шары ходят вокруг...

Но как же не успел я написать по тысяче писем каждому из своих чад! Прости, Лев. Каждое мое пронзительное осененное воспоминание о тебе — письмо. Прочти его... Каждый из кадров прошлого переходит в пакибытие, как шахматная партия с Гарри Каспаровым за обеденным столом, где каждый ход — вечность.

Что означает каждое слово? Особый какой-то *argumentum ad hominem**. В вечности разрешается и пребывает. Не таков ли человек? В объятиях Всевышнего засияет он как новогодняя елка неизреченными огоньками...

Это — какие-то последние строчки о себе. Озноб охватывает, холод.

Не сегодня ли свершится переход?..

Человек в неизреченном своем пакибытии

Каждый день — первый и каждая строка — последняя. Таков человек в неизреченном своем пакибытии...

Пальцы заледенели. Только что моя душа оглядывала саму себя из вечности. Читала что-то о себе.

* *Апелляция к личности (лат.).*

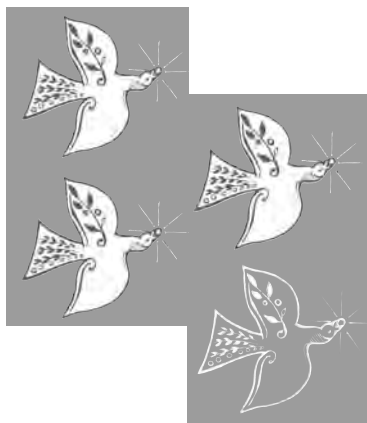
Предисловие

Дневники для меня — арка вступления в запредельное сокровенное общение. Впервые стало страшно от диктуемого текста. Осознать не могу. У самого себя списываю.

1997-1999 ГОДЫ

*Сфера Дзен,
или Литургия Бога Вышнего
во всех мирах*

1997-1999. Сфера Дзен, или Литургия Бога Вышнего во всех мирах

1000 РЕЦЕПТОВ КАК СТАТЬ СВЯТЫМ

ИЛИ НЕТ НИ ОДНОГО ГОТОВОГО РЕЦЕПТА

22.06.1997

Я знаю, что нет готовых рецептов. Что если бы был хоть один готовый рецепт, закрылось бы тотчас небо. Что можно созерцать образ, следовать примеру — и ничего не наследовать. Что смотреть надо не на книжный пример, а на живой образец, и наследовать не схемы синодальной следованной Псалтыри, а благодать Царствия Божия, невидимо сходящую.

Тысячи образцов, и ни одного для тебя, если хочешь стать святым. Жития по ранжиру, как булки, выпекаются с благословения институционалов. Но если вчитаться, жизнь каждого единственна и неповторима. Не потому мощи Иллариона Троекуровского, юродивого подвижника XIX в., благоухали, что ходил босой, смиренно терпел да молился, месяцами запертый в чулане, а потому, что он, Илларион, обетованный, предписанный от века. Вот и последняя тайна: святые — вопреки нормам, схемам, рецептам, институциональным правилам, а не благодаря им!

Возьми в пример, прими за образец, а далее — путь в пустыню и касание к Его одеждам, подобно кровото-

чивой, и с образом веры Марии Египетской. До 16 лет блудила, сила вышняя в храм не пускала, а когда вошла, услышала голос Пречистой: “Иди в пустыню”. И хищные звери, и зной, и неминуемая брань, и опаляемая солнцем нагота, и кожа задубевшая, и прохлада молитвенных ночей, и вопль отчаяния, и крик безумия, и последнее “Господи, помилуй”, за которым уже ничего нет и нечего сказать, такая пустота.

Ни на кого не смотри и читай в сердце каждого. Никому не следуй и от каждого бери. Восхищайся жителями, но помни: ты живое житие. Созерцай сумму бывшего, но помни о начертании настоящего, о его неповторимости. Готовность к риску и дерзновение необходимы подвижнику в пустыне.

Если открыты врата любви, достигнешь Царствия, какие бы ни одолевали смуты соблазнов. Радуйся на Литургии, ликуй на “аллилуйя”! Благовествуй близ Царствия. Не имей земного дома — странничай в царском замке. Открывай заново мир в ежедневной нудной рутине. Взгляни глазами ангела на брата Симеона, на брата Пахомия — и умились озарением Его любви к ним, и приобщись к Его любви. Любовь единственно реальна, и Дева Царствия говорит на неизвестном — всегда, для каждого на неизвестном языке. Не препятствуй вышней силе наставлять тебя особым и неповторимым образом. Не ищи готовых схем: поклоны, молитвы, пост... Молитва, сер-

дечный мир прекрасны, но и без них иные входят в Царствие.

Существуют тысячи непроторенных троп, несслыханных путей. Птица ударит крылом, больная вздохнет ночью, подвижник восхитится с ночного ложа. Одинокая старушка зажжет керосиновый фитиль в своей молитвенной ночи. Как несказанно небо Царствия, как прекрасны дерзновение и слезы! Как светел человек Его очами, как благоухает, неся крест и полагаясь на кресте!

Ищем раствориться друг в друге — и благо. Жаждем перестать жить для себя — и чудо. И больше ничего не надо: только бы держать за руку ближнего и дожить свой век, чтобы в час атаки миродержца тьмы, когда трясутся двери сердечного ковчега, рядом рука отца и друга. Посвященное сердце знает о каждой выплаканной слезе. По чутким вибрационным каналам передаются ему скорби, радости, шифры тайные.

Я понял, что можно, оставаясь в пустыне, достичь двери Царствия. Что можно, не будучи экзорцистом, великомучеником и великопостником, упокоиться на руках Господа. Я понял, что есть какая-то иная жизнь, помимо этой внешней: блаженная и внутренняя. Я познал, что ничто не препятствует ежечасно делать что-либо святое, что-либо сверхмерное — и такое ординарное! Что есть тысячи способов стать святым. Например, прекратить уныние. Раздать доллары, заработан-

ные в Японии. Перестать жалеть себя. Отвергнуть помыслы. Как мало требуется от нас!

Диалог в церкви не прекращается. Приходим в храм вступить в безмолвный, доверительный и прекрасный диалог, какого не бывает на земле. Завершится он в прекрасном вечном мире, когда уже ни проблем, ни стеснений, ни скорбей, но радость окрыленная и утешение небывалое!

Господь говорит из царской трапезной. Голос Его звучит из пространства Брачной Вечери. Об этом мало кто задумывается: Христос спустился с пятого неба и желает приготовить нам места на Вечере Любви. Путают цели и средства. Цель — войти вратами любви, пребыть. Средства — скорби, слезы, стеснения, поклоны. Средствами, если забыть про цели, можно ничего не достичь. Цели, если помнить про них, достигаются и без традиционных средств.

Какая-то фонарная мгла объяла мир накануне Его Второго Пришествия. Только бы горели свечи и не прекращался ток любви между сердцами. И пусть брань, и одиночество, и слезы, и гонения, и стеснения, и скорби — только б никогда не разлучаться, только б радость наших встреч, чудо молитв и свет Ее присутствия.

Крест еще, быть может, в том, чтобы с радостью переходить от служения к служению. Тяжелейшим крестом для Господа было, оставаясь на небесах, отдавать Себя

ученикам, посещать синагоги Капернаума и Иерусалима. Читая по книге жизни, цитировать Священное Писание, находясь в собеседовании с ангелами, побеждать фарисеев последней правдой и великодушным снисхождением.

Придет время, когда небоскреб на Котельнической испросит посвящения Непорочному Сердцу со своими многоэтажными жильцами. И Яуза, изменив русло с цементными своими заплесневыми от водорослей берегами, притечет к месту явления Пречистой на Дмитровском шоссе. Растают льды, и потекут вешние воды, неся очищение и радость обновления.

26.07.1997

Благодать отступила, и веры никакой. Исчезла, ступевалась. Призрак над деревенским кладбищем. Что это? Куда протягивается моя рука? Почему миллионы воплей разрывают мое сердце? Кто вы, терзающиеся во мне? Почему нет мне покоя, нет мира?

О Нем ничего нельзя сказать, и Его нельзя знать. И кто говорит, что знает Его, — безумец. Но тот, кто следует пути и не познал Его, — вдвойне безумец.

Никого у двери Царствия. Пустыня для миллионов.

Сеется доброе. Но сон непреложен, и в ночи приходит дьявол. Попробуй не спи! Гефсимания для одних — кровавый пот соискупительного действия; для других

— тяжелое облако гипноза, смежающее очи. Преступно, невозможно! Но искушения от врага неизбежны, как обязателен сон для души человеческой. И когда люди спали, пришел враг, и посеял между пшеницею плевелы, и ушел.

Как верно, как абсолютно достоверно Господь отметил его повадки! Как вор, пришел в ночи, посеял плевелы помыслов и сгинул, чтобы никто его не видел и не узнал в лицо, не усмотрел дел его. А дальше прорастает ядовитая зелень, и на нее падает Божия роса, и ее капли сверкают в лучах утреннего солнца. И Божие поле превращается в пустыню. Добрым семенам приходится делиться влагою, пищею с ядовитыми ростками.

Тебе нужна опора на старца? Бог пошлет тебе старца. Но однажды отнимет. Старец приоткроет небо (Бог его откроет), но чтобы перейти от приоткрытого к отверстому, отнимется и старец.

Кафизма против помыслов прекрасна. Канон Богородице, рекомендуемый великим старцем Гавриилом Оптинским при искушении, целителен. Но дьяволу дано вергать в сон, и сеять плевелы среди Божиих семян.

Почему в притче не упоминаешься Ты, Сеятельница обетованного потомства-семени? Почему нет речи о Тебе, Сокрушительница главы змея?

И последнее отнимается. И больше ничего не будет: ни института, ни веры, ни напузного креста, ни схим-

нического облачения. Теплилась лампадка — погаснет. Благоухала иконка — перестанет. Наставлялся от святых, и нет их. Пустыня, брат. Пустыня — но как внезапно и молниеносно Его действие! Как Он чудотворит неслыханно, непредсказуемо! Действует через кого никогда не ожидаешь помощи. Дворовый пес, нежно ласкаясь, снимает непосильный стресс и бремя; милосердная сестра находит слово, в мгновение рассеивающее дьявольское наваждение.

Меня связали. Меня превратили в сноп соломы. Но никто не отнимет у меня чина невесты Христовой, связанной по рукам и ногам. Приготавливается к Брачным чертогам... Ты попустил быть связанным, чтобы не отвлекался на пустое, тщетное и недостойное. Ты приковал то ли к столу, то ли к постели, чтобы не разменивался на не-должное.

Как Ты щедр! Насколько язык Твоей премудрости превосходит пространство стратегических ходов, действующих как схемы в моем уме! Ты находишь способ поместить меня в пустыню и внезапно озарить светом столь ослепительным, что небо открывает свои тайны. И осияваются бесконечные миры. И в отверстом небе ангелы. Знаю, когда созреют плоды, Ты уберешь пшеницу в житницу, и сироты Твои воссияют как солнце в Царстве Отца.

Как тяжело идти. Силы отнимаются, разум помутняется. Опять же, не работают привычные каноны. Пока не испытал свободы — раб. Но раб ничего не наследу-

ет. А свобода ведет в *пустыню*, в предельное рабство, в последний риск и дерзновение. Пустыня — последняя темница перед Царствием и откровением света.

Пожигается лжеправославие. Маги на ниве древнего обряда. Язычники? Если нильского аллигатора можно назвать язычником, то я согласен с определением, что псевдоцерковное чернокнижничество и мракобесие — язычество. Впрочем, о язычниках я более высокого мнения и в языческих культах вижу много солнечного света. Царство Божие и для язычников. Многие из них придут с Востока и с Запада и возягут вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом, а сынам Царствия не будет места на Вечере Любви. Извержены во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубовный (Мф.22:13).

Не терять доверчивости. Верить, что Говорящий скажет, не оставит без ответа — только бы иметь уши слышать.

В Орле ходили к многотонному чугунному инвалиду-батюшке с деревянной ногой, что тащил за собой стопудовую печь, топил которую допотопными пыльными изданиями православной литературы, трижды продутыми цензурой Иосифа Волоцкого. Я когда встретил этого старчика, ощутил запах ладана от его ран. Но тотчас набросился на меня смерч книжной пыли и впился в мозг ядовитыми пылинками. Старец куда-то испарился, а вдали, за алтарем Орловского кафедрального собора мелькнула тучная с темным взглядом вороватая фи-

гура архиерея. На лице его была запечатлена мука кузнечика, литургисующего в спичечном коробке.

“Как мне, простите, не простудиться, если кругом дует, а с меня пот льется градом под пятью византийскими нарядами?” Посмотрел на него, и жалко стало: сверху какая-то огромная оранжево-золотистая в несколько килограмм весом хламида. Под ней еще холщовая рубашка. Какие-то ремни, бинты. И опять рубашка — смирительная ли, холщовая, царская? И какого рожна напяливать на себя этот наряд при тридцатиградусной топке?

От Орла ничего не осталось, кроме Марии Орловской. От кладбищ — ничего, кроме полужасохших слез на могильных столиках с пузырящимися поверхностями. От Москвы ничего не осталось, кроме Фатимской Божией Матери, зала “Восход”^{*} и храма Непорочного Сердца. И от христианства ничего не осталось, кроме Христа: пыль веков осыпалась, истлела, как старый гардероб. И Господь удалился. Истомил мое сердце, чтобы приблизиться, как никогда прежде, взглянуть на меня со Своей добрейшей всех святых улыбкой и пронзить сердце очередной стрелой любви к Нему.

Так больше невозможно. Так единственно возможно! Таков путь. Никого не останется: ни друга, ни от-

^{*} Место, где в 1997 г. совершались литургии Православной Церкви Божией Матери Державной. — Ред.

ца, ни сына. Ни храма, ни скрепки для бумаги, ни ближнего для молитвы, ни иконки для свечек. Какая пустыня, продуваемая ветрами с четырех сторон света! Но утешения, сопутствующего ей, не найдешь ни в одном храме и ни в одной книге христианской.

Пшеница колосится. Плевелы пропали, поле чисто. И сна как не бывало. Солнечная радость на лицах сынов Царствия!

Ничего этого нет, что можно видеть шарящими во тьме пугливыми глазами. Есть только то, что видит *око видящее* (“имеющий око да видит”, — учил Он об этом зрении). Мистическое зрение в невосстановленном состоянии должно работать на покаяние и совесть. Иначе нас вернут. Каяться (в 1 скинии, т.е. видимой церкви) и означает видеть Бога во внутренняя. В этом православие отцов.

Как я вас люблю, в этом мире нельзя. Потому нет ничего лучше попытки расстояния: вблизи такая любовь невозможна.

Если слово мое утешило тебя, цель достигнута, брат. Я бы хотел положить руку тебе на сердце, и заглянуть в глаза, и обнять, и поцеловать в лобик, и прижать, и смахнуть слезу с твоих глаз, и сказать: “Не тревожься, пройдет. Это от лукавого — не имеет никакой власти! Царица такая добрая, и впереди столько радости! Пойдем на кухню, я напою тебя чаем. Вот тебе и повод по-

молиться Богородице — перед трапезой”. И облако наваждения рассеется. И опять мы вместе, и жизнь прекрасна. И вера осиянна, и христианство совершенно, и Евангелие открыто, и ближних столько, что объять нет никакой возможности. И впереди еще столько неизведанных троп, и прекраснейших слов, и светлых братьев и сестер! Что небо пошлет свыше, как манну окормляющую, за твои маленькие скорби, за твои провиденциальные долги? За то, что дьявол тряс ковчег, и ты дрожал, но не открыл. И потерпел за Господа немного.

Боже, сколько любви в сердцах! Сколько улыбок дарят окружающие! Твоя держава уже совершается, и нужно быть слепым, чтобы ничего не видеть; заведомо проклятым, чтобы черное называть белым и белое черным.

Ничего нового не предстоит в православии, но сокровищница, некогда закрытая веельзевулом, воссияет дивными жемчужинами и откроется Христом, а адские пропасти с их котельными нравами, подземными канализационными водами затворяются навсегда.

Дождь с неба прекрасен, как прекрасен Омывающий благодатью.

27.07.1997

Нужно трижды сойти с ума, чтобы объял ум Христов. О, надо трижды дать согласие быть отлученным, чтобы прийти и сочетаться. О, предстоит быть связанным, как сноп пшеницы, чтобы обрести свободу: как

раб, прикованный чугуною цепочкою к двери или к руке господина, единственно свободен.

Барахла достаточно, логики тоже. Подите в преисподнюю с вашим шахматным расчетом! Я плевать хотел на все предписанные ходы и заготовленные рамки. Бросьте их в огонь. Уберите ваши отписки! Я перемучился столько, что счета мои сожжены, и никто ничего не сможет предъявить. Я перестрадал за каждого больного столько, что он мог бы трижды исцелиться. Исцелился — милость Божия. Болеет — значит так ему лучше.

Из Оптиной пустыни в роддом, где делают аборт и рождаются дети из пробирки, дорога лежит через грязную рощу с желтыми поганками и белой скомканной бумагой. Но придут другие души, готовые, свыше. Их ничему не надо будет учить: от рождения знают Бога. То, над чем билось поколение отцов десятилетиями, им откроется в мгновение ока. Вместо мотыльков с осыпающейся с крылышек пылью, бьющихся вокруг сарайной лампы, сколько прекрасных светлых душ!

Что ты, брат, суешь мне в зубы кафизму, когда отнимется? Ну что ты тычешь благодатью, когда она как облако: сегодня есть, а завтра нет? “Хотя бы что-то...” Но я не хочу что-то! Лучше ничто. Я хочу испытать *ничто*: если Господь назвал это состояние нищетой духа, пусть оно меня обнимет, эта страшная отверстая нище-

та с полупрогнившими лохмотьями, зияющими впадинами и торчащими волосами.

Идите впереди меня, и Бог откроется вам! Идите по мне — я хотел бы стать вашим трамплином, мостиком, вашей радугой, вашим несгорающим кустом, вашей скинией, вашим стулом, на который можно сесть и опереться. Вашим столом, на котором можно вкушать трапезу с Мессией. Вашим бокалом, из которого можно пить горячее вино Его любви, и вашим другом ненавязчивым: приду, когда понадобится.

Солома отсырела. Надо бы высушить ее на солнце и скормить животным. Дверь, открытая на поле, поддерживается двухпудовой гирей и двумя снятыми плитками от штанги. Мир притаился, и в воздухах трепетание, как при схождении Царицы. Я согласен принять еще, только бы тебе стало легче, брат. Пусть мне эти смерчи и вихри, и насквозь продувные, неотступные помыслы — чтобы только тебе легче и в твоём сердце мир. Пусть у меня отнимется, а тебе придастся. Возьми у меня последнее. Позволь мне стать тобой и жить в тебе.

Боговидицу Марию Даниэль* по пятницам духи приколачивают ко кресту. В 15.00 отец Блэй идет к ней с бенедиктинским распятием и после пятиминутного чтения Отчей молитвы касается чела ее крестным знаменем. Даниэль

* Монахиню современной канадской католико-марианской обители, настоятель которой о.Блэй.— Ред.

приподнимается, как марионетка на нитках. Ее ведут. Руки, деревянно скованные, бессильно падают и блаженно расслабляются.

На одре духовных немощей страдает св.Екатерина — визионерка-стигматистка, мистик. Над ней склоняется Марк из Египта, обдает ее орлиным взглядом. Видит что-то свое и покидает комнату святой с мыслью, что Бог один и путь к Нему универсален.

Туристы что-то записывают в блокнотики. Паломники тщетно едут за тридевять земель в Ассизи посетить саркофаг XIII в. с возженными свечами: Франциск же благоволит кому-то? Что, если сегодня — мне? Унылая старушка с перебитым тазобедренным суставом спускается в трехэтажный подвал в надежде получить исцеление от святого XII в. Живых святых не осталось: истребил архиепископ из Торонто со своими гончими псами. А в другом храме покоится св.Клара — но это не Клара из Ассизи, а мастерски сделанная кукла. Не живая вера, а ее подобие.

Царица являет чудеса Своего присутствия, и души продвигаются, как могут. Веди их, показывай свет, являй премудрость, силу, открывай свою беспомощность и раны и научи нищете духа — этой науке странников, дервишей-пустынножителей и перехожих калик. Сердце разбивается о пустоту в абсолютной тщете, но Христос близок, как никогда — истинный, воочию. Любимый.

Я заблудился. Прекрасно! Ты захотел, чтобы я заблудился и любил Тебя, потеряв путь. Я потерял последнее? Великолепно! Ты захотел, чтобы я, ничего не имея, предстал Тебе нагим. Отними и это жалкое тело, и эту убогую мысль, и это преступное прошлое, чтобы не было вообще ничего, кроме Тебя! Святыни уложи в горшок и поставь на трапезную полку: служить свидетелем божественных бесед между ангелами и святыми Царствия.

На раннем снимке епископ Варнава Беляев гордый, всезнающий. Предпочел смирение: чтобы не стать фарисеем, стал юродивым и, наконец, принял маску совка (рыбарь, позирующий в озерной лодке).

Когда Царица отнимала последний ум и веру, я был близок к Ней, как никогда. Когда же литургисал в привычной благодати, летая, окормляя кругом всех — терял Ее из виду, забывал. Боже, какие тайны, какие тайны!

В истерическом остервенелом отчаянии так пронзительна помощь, так неоценима доброта! Сирота, озирая прошлое, благодарит за отнятость родителей, поскольку пришла минута их полного присутствия, и отнятость обернулась столь щедрым воздаянием, что казалось: если б больше отняли, было б лучше.

...Каяться в том, что осуждаешь — спонтанно, бесконтрольно. Дьявол ли в тебе, лягушка ли вылезает изо рта, уж выползает из чрева? Каяться, что увидел

не в том срезе, увидел, что НЕ НАДО видеть. Надо наконец запретить себе видеть, что не надо видеть, и слышать, что не надо слышать! Тогда, наконец, увидишь и услышишь голос Божий, Лик Христов.

Как это трудно, знает каждый подвижник, рожденный не в рубашечке, прошедший через поколение рефаимов, брань с родовыми колдунами, с призраками профессий, с духами природы. Все устремлено к осуждению.

И здоровье израсходуется, и истерика пустая, и плач какой-то тщетный. Тащишь за собой баржу грехов.

Когда я потерял последние рецепты к святости, для меня открылись все пути: водимость, аскеза, любовь, послушание, Псалтырь, жертвенность, монастырь. И оказалось: ничего не отнялось, напротив, еще больше далось (хотя, по-старому, отнялось).

<i>Евангелие: дневник, оставленный неизвесте</i>	<i>45</i>
30.08.1997	45
31.08.1997	49
01.09.1997	51
<i>Дневник ко Господу</i> <i>(Господь стоит рядом и ты объясняешься Ему в любви)</i>	<i>52</i>
07.09.1997	52
09.09.1997	57
15.09.1997	65
16.09.1997	69
<i>Магнитофонная исповедь</i>	<i>71</i>
22.11.1997	71
05.01.1998	82
<i>Церковь, боль Христа моего</i>	<i>92</i>
17.02.1998	92
04.03.1998	95
01.04.1998	97
01.05.1998	99
21.06.1998	109
17.08.1998	117
<i>Нет ничего кроме Креста</i>	<i>120</i>
25.12.1998	120
27.12.1998	130
11.01.1999	133
<i>Единственному Совеседнику</i>	<i>137</i>
16.01.1999	137
<i>Все прейдет, а крест останется</i>	<i>157</i>
19.01.1999	157
20.01.1999	160
23.01.1999	169
02.02.1999	170
05.02.1999	172
<i>Божественный Некто</i>	<i>176</i>
05.02.1999	176
07.02.1999	183
09.02.1999	190
20.02.1999	193

11.03.1999	196
26.05.1999	200
<i>Дневник невесты</i>	<i>204</i>
16.07.1999	204
19.07.1999	205
20.08.1999	206
27.08.1999	207
28.10.1999	208
<i>Сфера дзен, или Литургия Бога Вышнего во всех мирах</i>	<i>212</i>
01.11.1999	212
06.11.1999	233
10.11.1999	234
18.11.1999	236
Притча	236
09.12.1999	237
<i>Записки главного сектанта Российской Федерации</i>	<i>255</i>
07.12.1999 – 05.04.2000	255
 2000 год	
<i>Один на один с Богом</i>	
<i>Размышления в канун третьего тысячелетия ..</i>	<i>285</i>
06.01.2000	285
Мистическая хроника последних дней	285
20.03.2000	292
31.03.2000	299
04.04.2000	301
Притча	301
06.04.2000	302
08.04.2000	307
13.04.2000	307
<i>Дневник чтобы-не-сойти-с-ума</i>	<i>310</i>
05.05.2000	310
26.05.2000	317
01.06.2000	324
02.06.2000	326
03.06.2000	326

04.07.2000	330
19.07.2000	331
Песнь Серафиму Соловецкому	331
<i>Репортаж из царства Креста</i>	<i>333</i>
27.08.2000	333
10.10.2000	338
24.11.2000	343
07.12.2000	349
25.12.2000	360
05.02.2001	373
06.02.2001	374
<i>Письма из вечности</i>	<i>387</i>
06.01.2000	387
07.01.2000	393
23.01.2000	397
25.01.2000	399
27.01.2000	402
29.01.2000	416
22.02.2000	419
16.03.2000	421
17.03.2000	429
31.03.2000	431
01.04.2000	434
03.05.2000	439
19.06.2000	447
27.10.2000	451
25.12.2000	452
<i>Путевые заметки</i>	
<i>Заметки о Иерусалиме</i>	<i>456</i>
Темница в доме Кайфы	458
Темница претории	460
Иерусалим	461
Гефсимания	465
Успение	465
Елизавета Федоровна	467
Гефсиманская молитва Господа	468
На месте ареста Господа	468
Голгофа	469
Сокровенный Иерусалим	470
Иудейская пустыня	473

Тивериада	474
Мессиянистическая святая	476
Тайная вечеря	477
Золотые врата	477

Скандинавский дневник 480

1. Финляндия	480
Репетиция "Реквиема" Верди в лютеранской кирхе	484
В отеле "Маргарита"	486
2. Мир взывает девства, Швеция	493
На лайнере "Мариэла"	493
Стокгольм	494
Откровение Бога Отца	495
Ночь в Стокгольме	498
Паром "Габриэла"	504
Хельсинки-Россия	505
Россия	507

2001 год

Блаженное странничество

02.10.2001 Гефсимания	511
Объявление в любви поколению молодых	522
02.10.2001	529
17.10.2001	532
20.10.2001. Крест – огненная птица	534

2002 год

Встречи из вечности

Созерцающая Остробрамскую	539
11.01.2002	551
Остановки Креста	554
Репортаж из царства Креста	555
05.02.2002 Новосибирск. Мироточит во внутреннем крестная капель	558
10.02.2002	561
16.02.2002	561
16.02.2002	562
26.02.2002	568
Американский барак N1421, или страстное турне по Америке	576
Нота поющей Америки	580
31.03.2002 5 утра. США, отель "Панамерикэн"	588
Есть ли более высокая задача, чем открыть Врата божественной любви?	591

21.05.2002 Москва	595
23.05.2002 Москва	596
Жить Им Одним	597
04.07.2002. Что открывается ночью?	607
25.10.2002	608

Художник Бытия

Американский дневник..... 610

Песнь нескончаемой радости	610
Премудрость знает все пути	621
29.11.2002	625
Нация Солнечной Жены	630
Посещение монастыря м.Марии Сюзан	639
Мистика отверстых врат	650
02.12.2002	651
Пробуждается Америка!	654
04.12.2002	667
05.12.2002	669
Дар Твоей любви	672
Из американского гюлага Соловецкую Голгофу услышать проще, чем из современной американизируемой Москвы	679
07.12.2002 (Вечер)	684
Святая доброта и огненное сердце	688
Художник Бытия	694
09.12.2002	700
13.12.2002	712
У Америки гороскоп крысы	718
Мы завидуем России, поскольку там благодать мучеников такая, что кругом мироточит земля, и небо роняет капли мирра	723
Неописуемая встреча с Деби Миллер	725
Послание	733
Круглогодичный день благодарения	735
19.12.2002 На месте откровения	736
Декабрь 2002 – январь 2003, Москва	741
Блаженные пути уневествования	743
Культура катакомбников	747
Кладовые превечной памяти	750
Кто я? Копия блеклая священника мелхиседекова	754
Мир после страстного	758
Теология ада	763
Сад невест	763
Сфера огненного слова	765
Дух Святой дает учение о внутренней возженной свече	769
Декабрь 2002 – январь 2003. Во мраке страстного	772

2003 209
Небесная автобиография

Небесная экзистенциальная философия	777
31.01.2003 Загреб	779
Сотрудничество	779
Таинственный язык темной ночи	780
В пустыне	781
Смирение – оружие, которым Бог побеждает дьявола на кресте	781
06.02.2003 о. Кирк	785
07.02.2003 Главосток – Загреб	787
08.02.2003 Сплит	791
Врата Новой Святой Италии	798
09.02.2003 Ерба – Милан	807
Благовестием Соловецкой Голгофы будут отложены очистительные катаклизмы	811
Нет другого прогресса, кроме восхождения души	818
11.02.2003	820
Престол Зажидительного Девства Средиземноморья	822
Содомитов как никого надо учить о воинствующем девстве	826
16.02.2003 Красные Скалы	828
18.02.2003 Красные Скалы	833
19.02.2003 Красные Скалы	834
Воспоминания	836
В страстном прославляется Бог	838
Страстной дневник	841
25.02.2003 Красные Скалы	849
Ницца	849
Странник	851
26-27.02.2003 Красные Скалы	852
Когда пустуют монастыри, монахи сражаются в миру	855
Оружие, каким Пресвятая Дева победит дьявола	861
28.02.2003 Красные Скалы. Страстная беседа с о.Иосифом	863
28.02.2003 Красные Скалы	873
Теология Страстного	876
Пока иосифлянская чума действует в России, не родиться Державе мира	882
02.03.2003 Красные Скалы	887
Христианство светов	890
Вдохновение девства	892
Голос Господа не престаёт	906
В христианстве есть только одна красота – святости, девства, креста	912
<i>Москва. Богородительская</i>	<i>918</i>
06.03.2003 Москва	918
08.03.2003	919

09.03.2003	921
10.03.2003 Гефсимания	923
13.03.2003	924
Море остается тайной	925
В вечность переходит то, что успел сделать для вечности	929
16.03.2003	930
16.04.2003 В аэропорту	931
Неслыханное Царство Божие возникнет на Святой Руси	932

Хорватия – Италия – Франция 935

21.04.2003 Сплит	935
Море – аквамариновый алтарь	936
25.04.2003 Сплит	938
Страстное	939
27.04.2003. Страстное еще неведомо человечеству	940
02.05.2003 Кампо-Ротондо	941
Люциферово логово 666	942
Эк Милинго	943
03.05.2003	945
Отец Дмитрий, старый бродяга в монашеской рясе	946
06.05.2003 Мирмар, Франция	947
07-08.05.2003 Ночной дневник	947
08.05.2003 Мирмар	950
09.05.2003 Мирмар	951
10.05.2003 КРАСНЫЕ СКАЛЫ	952
11.05.2003 Париж	956
Французская Чуйковка, или куриный Вифлеем в Париже	957
Сейчас – Соловки	961
Другой, Соловецкий Христос	967
Если и существовала солнечная Церковь Христова, то на Соловках	968
Особый чин Агнца, каким Он не являлся никому и никогда	969

Сплит – Москва – Сплит 971

О небеса, отечество мое!	971
Неслыханный потенциал открыла Премудрость на Фаворе	972
Страстной пожар неземной тоски	974
Кругом Соловки	975
De profundis	977
14.06.2003 Сплит	981
Почему Бог говорит не в садах, а на помойках?	982
О.Бранко	985
24.06.2003	986
Видение Христа тайн	987
Неописуемо блаженны катакомбные кресты	988
08.07.2003	990
20.07.2003 Провиденциальный собеседник	990

24.07.2003 Сплит. Ни дня без сражения	993
Видение Богоцивилизации	994
14.08.2003 Сплит	995

Київ 999

Из ранних впечатлений о Почаевской лавре	999
03.09.2003 Гефсимания	1000

Хорватия – Сплит 1002

06.09.2003 Черногорье	1002
07.09.2003 Сплит	1004
Притча	1005
Путь любви	1006
Добрая сокровищница моря	1009
12.09.2003 Сплит	1014
Премирный эфир	1015
Кладовая Премудрости	1016
18.09.2003 Вечер	1017
19.09.2003 Сплит. Вселенная девства	1017

Москва – Гефсимания 1020

Мы Церковь, которую весь мир в молитве чаёт и призывает ее приход	1020
Священнонедоумение	1020
Прозвенное “Ты”	1021
Врата мелхиседекова священства	1023
Апостолы огненного девства	1023
Христос умноженный	1024
Посещение кладбища	1030
07.10.2003, Вечер	1031
07.10.2003, Вечер. Жить по часам вечности	1031

Гефсимания – Франция 1034

Автобиография священника небесного	1034
Тайна Второй Голгофы (смерти-воскресения)	1035
Когда воскресенская сила жезла приводится в действие	1036
Вот, вот, вот – миллион “вот” – зачем нужна Божия Матьер!	1037
10.10.2003 Мирамар, Франция	1039
Франкфуртские деревни	1041
18.10.2003 КАНН, Франция	1045
Превечная Сокровищница	1046
Над горой откровения розовое облако	1046
Бог нуждающийся	1048
23.10.2003 Мирамар	1048
24.10.2003	1050
25.10.2003	1051
31.10.2003	1051

<i>Кемер – Москва – Кемер</i>	1053
Покров над спящими	1053
12.11.2003	1059
Величайшая ложь, именуемая превращением	1062
Новое Слово изрекается в пустыне	1063
21.11.2003 Вечер	1065
Летние периоды брани	1066
Как трудно прорваться в парусию!	1067
26.11.2003	1068
26.11.2003 Кемер, Морская гора	1070
Юродство любви	1072
30.11.2003, Вечер	1074
30.11.2003 Кемер, отель	1076
02.12.2003 Кемер	1077
Венец страстного	1078
Долина воскресения	1079
Ученичество Христу	1081
Фундаментализм будет уничтожен	1084
04.12.2003 Кемер	1086
06.12.2003 Кемер	1089
06.12.2003 Кемер	1090
Сокровищница прилепления	1092
Мастера по гашению родовых программ, мелхиседековы священники	1095
12.12.2003 Москва	1097
13.12.2003 Непорочность Божией Матери – врата на небеса	1098
13.12.2003 Москва	1098
Христианство – религия, открывающая высшие смыслы жизни на земле	1100
Мистики на вес золота	1102
31.12.2003	1104

